

СКАЗКИ НАШЕГО КРАЯ

Мария Васильевна Красноженова
15.06.1871 — 05.10.1942

РУССКИЕ СКАЗКИ СИБИРИ

*«От ее слов всегда осталось до сего дня чувство крылатой радости,
чудеса ее песен и стихов, нянькиных сказок возбуждали
желание самому творить чудеса».*

А. М. Горький о сказках бабушки

*«Сказки – не только радость творчества, но и орудие в борьбе за существование...
Сказка давала и дает лишний пай в артели, лишний стакан водки в «беседе»,
ночлег и ужин. Сказкой же какой-нибудь скиталец-бедняк завоевывал
право на временное внимание и уважение».*

М. К. Азадовский

*«Человек, выросший под сказания трех поколений, под шуршание настоящего,
а не книжного веретена, — он обречен на сложность свою, на глубину, на утраты».*

Д. Г. Шеваров «Жители травы»

Если разложить японский иероглиф сказка на составляющие, то он буквально означает «вещи говорят». В этом определении сказки заложена природа чудесного. Современная система русского языка во многом утратила былую образность. И название сказка трактуется как «то, что сказывают, рассказывают». На этом признаке базируется и научное определение жанра сказки, помещенное в литературных справочниках. «Сказка — это один из основных жанров устного народно-поэтического творчества, эпическое, преимущественно прозаическое художественное произведение волшебного, авантюрного или бытового характера».

В мировой науке вообще долгое время обходились без определения сказки, считалось, что нет необходимости характеризовать явление всем известное. Финский ученый Х. Хонти пишет: «Одностороннее определение всем известного понятия является, собственно говоря, излишним: каждый знает, что такое сказка, и может чутьем отграничить ее от так называемых родственных жанров — народного предания, легенды и анекдотов». О внутреннем ощущении сказки пишет В. Я. Пропп: «Эмпирически все мы как будто очень хорошо знаем, что такое сказка. В понимании и оценке сказки нами руководит поэтическое чутье». Без определения понятия и сущности сказки обходились некоторые авторы капитальных общих руководств по фольклору. А. Н. Веселовский, всесторонне изучавший сказку, ни разу не дал своего определения этому явлению. Но это не значит, что у названных ученых не было своего понимания сказки. Оно у них было, но не зафиксировано ни в каких точных определениях.

Слово «сказка» в его современном смысле появилось только в XVII веке. До этого говорили «байка» или «басень» (от слова «баять» — рассказывать).

Сказка — весьма популярный жанр устного народного творчества, жанр эпический, прозаический, сюжетный. Она не поется, как песня, а рассказывается. Предметом повествования в ней служат необычные, удивительные, а нередко таинственные и

странные события, действие же имеет приключенческий характер. Сюжет отличается многоэпизодичностью, законченностью, драматической напряженностью, четкостью и динамичностью развития действия. Сказка отличается строгой формой, обязательностью определенных моментов, а также традиционными зачинами и концовками. Зачин уводит слушателей в мир сказки из действительности, а концовка возвращает их обратно. Она шуточно подчеркивает, что сказка – вымысел.

От других прозаических жанров сказка отличается более развитой эстетической стороной. Эстетическое начало проявляется в идеализации положительных героев, и в ярком изображении «сказочного мира», и в романтической окраске событий.

В русских сказках богатство никогда не имело собственной ценности, и богатый никогда не был добрым, честным и порядочным человеком. Богатство имело значение как средство достижения других целей и теряло это значение, когда важнейшие жизненные ценности были достигнуты. В связи с этим богатство в русских сказках никогда не зарабатывалось трудом: оно случайно приходило (с помощью сказочных помощников – Сивки-Бурки, Конька-Горбунка...) и часто случайно уходило.

Образы русской сказки прозрачны и противоречивы. Всякие попытки использовать образ сказочного героя как образа человека приводят исследователей к мысли о существовании в народной сказке противоречия – победы героя-дурачка, «низкого героя». Это противоречие преодолевается, если рассматривать простоту «дурачка» как символ всего того, что чуждо русской морали и осуждается ею: жадность, хитрость, корысть. Простота героя помогает ему поверить в чудо, отдаться его магии, ведь только при этом условии власть чудесного возможна.

Еще одна важная особенность народной духовной жизни находит свое отражение в народных сказках – соборность. Труд выступает не как повинность, а как праздник. Соборность – единство дела, мысли, чувства – противостоит в русских сказках эгоизму, жадности, всему тому, что делает жизнь серой, скучной, прозаической. Все русские сказки, олицетворяющие радость труда, кончаются одной и той же присказкой: «Тут на радостях все они вместе в пляс-то и пустились...».

В сказке отражаются и другие нравственные ценности народа: доброта как жалость к слабому, которая торжествует над эгоизмом и проявляется в способности отдать другому последнее и отдать за другого жизнь; страдание как мотив добродетельных поступков и подвигов; победа силы духовной над силой физической. Воплощение этих ценностей делает смысл сказки глубочайшим в противовес наивности ее назначения. Утверждение победы добра над злом, порядка над хаосом определяет смысл жизненного цикла сущего живого. Жизненный смысл трудно выразить в словах, его можно ощущать в себе или нет, и тогда он очень прост.

Таким образом, мудрость и ценность сказки в том, что она отражает, открывает и позволяет пережить смысл важнейших общечеловеческих ценностей и жизненного смысла в целом. С точки зрения житейского смысла сказка наивна, с точки зрения жизненного смысла – глубока и неисчерпаема.

Огромное значение имеет сказка для правильного воспитания детей, сказка для ребенка является не просто фантазией, но особой реальностью, помогающей установить для себя мир человеческих чувств, отношений, важнейших нравственных категорий, в дальнейшем – мир жизненных смыслов. Сказка выводит ребенка за рамки обыденной жизни и помогает преодолеть расстояние между житейскими и жизненными смыслами.

Этот внутренний переход возможен только тогда, когда содержание сказки прошло через сопереживание другому лицу. В процессе этого сопереживания формируется механизм эмоционального предвосхищения, который помогает не только представить, но и пережить отдаленные последствия человеческих действий, почувствовать их смысл для разных людей.

Любая русская сказка рассказывает об отношениях, причем эти отношения имеют четкую моральную ориентацию. Это очень важно для осмысления понятий добра и зла, для упорядочения сложных чувств ребенка. Форма изображения здесь сказочная, доступная ребенку, но именно она позволяет ребенку постичь высоту проявления чувств, их нравственный смысл. Однако без помощи взрослых нравственный смысл сказочных образов остается «взрослым», недоступным ребенку.

Процесс самостоятельного осмысления сказки ребенком оставляет его на уровне житейского смысла и не раскрывает подлинной их нравственной сущности. Очевидно,

что эту работу ребенок не может совершить без помощи взрослых. Интеллектуализация эмоций происходит в процессе познавательной эффективной деятельности по толкованию жизненных смыслов, отраженных в сказке. Этот процесс не открывается ребенком, а формируется по пути социального наследования.

Сказки на Руси известны с древних времен. В древней письменности есть сюжеты, мотивы и образы, напоминающие сказочные. Рассказывание сказок – старый русский обычай. Еще в давние времена исполнение сказок было доступно каждому: и мужчинам, и женщинам, и детям, и взрослым. Были такие люди, которые берегли и развивали свое сказочное наследие. Они всегда пользовались уважением в народе.

В первой половине XVII века были записаны 10 сказок для английского путешественника Коллинга.

В XVIII веке появилось несколько сборников сказок, в которые включены произведения с характерными композиционными и стилистическими сказочными особенностями: «Сказка о цыгане»; «Сказка о воре Тимашке».

Важное значение получил общерусский сборник А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» (1855-1965): в него входят сказки, бытовавшие во многих краях России. Большая их часть записана для Афанасьева его ближайшими корреспондентами, одним из которых был В. И. Даль.

В конце XIX – в начале XX веков появляется целый ряд сборников сказок. Они дали представление о распространении произведений этого жанра, о его состоянии, выдвинули новые принципы собирания и издания. Первым таким сборником была книга Д. Н. Садовникова «Сказки и предания Самарского края» (1884 г.). В ней были помещены 124 произведения, причем 72 записаны только от одного сказочника А. Новопольцева. Вслед за этим появляются богатые собрания сказок: «Северные сказки», «Великорусские сказки Пермской губернии» (1914 г.). Тексты сопровождаются пояснениями и указателями.

После Октябрьской революции собирание сказок приняло организованные формы: его вели научные институты и высшие учебные заведения. Они продолжают эту работу и сейчас.

Выделилось два типа сборников: областные и индивидуальные. К областным сборникам относятся «Сказки и предания Северного края», записанные И. В. Карнауховой (1934 г.), и «Сказки Красноярского края», собранные М. В. Красноженовой.

Мария Васильевна Красноженова – талантливый педагог, ученый-этнограф, член Императорского русского географического общества, фольклорист, краевед, музейный работник, автор ценнейших мемуаров, видная общественница. К чему бы ни прикасалась она в своей жизни, все обретало высокий смысл.

Родилась Мария Васильевна 15 июня 1871 года в селе Бирюса Иркутской губернии. Отец ее, человек образованный, хорошо знал и высоко ценил устное народное творчество. Мать – простая женщина, но наделенная от природы тонким художественным вкусом, талантливая рассказчица. От родителей да еще от бабушки, женщины культурной, начитанной, хорошо знающей фольклор, и унаследовала Мария Васильевна любовь к народным преданиям, сказкам и пословицам.

В 1881 году она поступила в гимназию, затем училась там же в педагогическом классе. И после его окончания стала преподавать в родной гимназии географию. Как-то, будучи еще гимназисткой, обнаружила в архиве отца записи заговоров, увлеклась ими и сама стала собирать фольклор. Опрашивала соседей, бабушек – словом, всех, кто помнил старинные песни, частушки, сказки. С тех пор до конца своих дней она была неутомимым собирателем фольклора и оставила потомкам богатейшую коллекцию. Устное народное творчество стало ее страстью, которая жила в ней постоянно, чем бы она ни занималась. И к другим своим делам Мария Васильевна относилась с полной отдачей сил. Во всех ее делах и поступках видна щедрая и глубокая душа.

В полной мере это относится к ее педагогической деятельности. Трудно переоценить сделанное ею на ниве просвещения. В 1898 году она создала подвижной педагогический музей – в помощь учителям губернии. Красноярск был третьим городом в России, где он появился. Подобные существовали только в Санкт-Петербурге и Москве. Книги, картины, муляжи, собранные Марией Васильевной, использовались учителями в процессе обучения как наглядные пособия. Работал музей даже в 1918 году, во время гражданской войны и разрухи. И более того – пополнился 687 новыми предметами. Культурная жизнь губернии даже в самое тяжелое время не замирала благодаря таким энтузиастам как М. В. Красноженова. Ею также была основана педагогическая библиотека. А собственную библиотеку, собранную со знанием дела и любовью, она позднее подарила «Обществу вспоможествования».

В 1920 году была расформирована гимназия, и Мария Васильевна стала сотрудником краеведческого музея. Заведовала отделом быта прошлого века. Каждый год частенько на свои деньги отправлялась в этнографические экспедиции. Вначале – в близлежащие деревни: на дальние экспедиции зарплаты музейного работника ей просто не хватало. Но она не унывала. Появились потом и дальние экспедиции. Благодаря ей фонды музея пополнились редкими историческими материалами и уникальными этнографическими находками.

Фольклорные экспедиции, предпринимаемые Марией Васильевной, тоже, как правило, были успешными, хотя проходили нередко в трудных условиях. Свыше 200 сказок записала она, 171 заговор, 1000 песен, 3000 частушек, 589 загадок, 1282 пословицы, 200 образцов детского фольклора, 417 разновидностей сатирической лирики детей и т. д.

Работа ее в музее не ограничивалась только этнографическими экспедициями. Выставки, которые она устраивала – «Старый Красноярск», «Суриковский уголок» и другие – были заметным событием в духовной жизни города.

Мария Васильевна известна как автор многочисленных работ – очерков, статей, исследований. К сожалению, опубликовано из всего этого богатства немного. И в основном разбросано по разным журналам, сборникам. Отдельной книгой в 1937 году вышли «Сказки Красноярского края», а в 1940 году – знаменитые «Сказки нашего края». Можно назвать также написанную в соавторстве с А. Н. Туруновым книгу о В. И. Сурикове. Много ценных сведений можно почерпнуть из ее работ «О мещанах города Красноярска (50-70 годы)», «Материалы о местных художниках и местной художественной жизни», «Рассказы жителей тракта. Записи 1925-1929 гг.» – о знаменитой сибирской артерии – Московском тракте. Мария Васильевна много занималась им. Недаром ее называли «хозяйкой сибирского тракта». Описание игры «Взятие снежного городка», сведения о старинных народных праздниках, крестьянских свадебных обрядах, рецепты народной медицины, заговоры – трудно даже перечислить все, что оставила нам эта великая труженица.

Будучи человеком любознательным и общительным, М. В. Красноженова переписывалась со многими выдающимися людьми. Особенно интересна ее переписка с В. И. Суриковым, которого она знала лично, и с его братом А. И. Суриковым. Мария Васильевна участвовала в работе многих общественных организаций. Она являлась членом «Общества борьбы с неграмотностью», «Международной организации помощи борцам революции», «Общества начального образования», «Российской лиги по борьбе с туберкулезом». Кроме того, она преподавала в воскресной школе и занималась благотворительностью.

М. В. Красноженова собрала многочисленные коллекции открыток на самые разнообразные темы – более трех тысяч. О некоторых архитектурных памятниках, разрушенных в годы революции и гражданской войны, теперь можно составить представление только по открыткам, собранным М. В. Красноженовой. В семейных

альбомах фотографии Марии Васильевны, ее родных, друзей – людей, оставивших значительный след в истории нашего края.

Горячо влюбленная в Сибирь, М. В. Красноженова хотела, чтобы дети в школе больше получили знаний о своей родине – Сибири. И добивалась включения в учебный план нового предмета – сибиреведения, которое впоследствии (с 1917 года) стала преподавать в школе. Она же руководила кружком по сибиреведению при Доме юношества в Красноярске.

Широкой публике Мария Васильевна Красноженова прежде всего известна своими сборниками сказок, записанных ею на территории Приенисейского края, изданных при ее непосредственном участии в Красноярске и Москве.

Русская сказка, как и другие жанры фольклора, появилась в Сибири вместе с русскими поселенцами. Она хранила привнесенную традицию, ее героям были присущи традиционные функции, однако в ней появилось и много своеобразия как в форме, так и в содержании.

Своеобразие сибирской сказки обусловлено, прежде всего, спецификой ее бытования, воздействием на нее определенных социальных и экономических факторов, поэтому можно говорить не только об отдельных элементах, внесенных сибирской традицией в общерусскую сказку, но и о локальной сибирской эпической традиции, о судьбах русской сказки Сибири.

Сказочная традиция Сибири, как и русского Севера, оказалась в более благоприятных условиях, чем традиция других районов страны, поэтому она лучше сохранилась и дошла до наших дней, о чем свидетельствуют проведенные на территории Сибири записи сказок как начала века, так и последних лет.

Поэтическая система в сибирских сказках, как и в общерусской традиции, претерпела существенные изменения, но сказочная обрядность соблюдается в большей мере.

Хорошую сохранность русской сказки можно объяснить силою традиции, которая в свою очередь объясняется спецификой бытования сказки в Сибири. Здесь долгое время существовали социально-бытовые условия, исчезнувшие в других районах страны: работа артелями, охотничий промысел, требующий длительной совместной жизни в лесу охотников, рыбалка. Среди рыбаков, охотников почти всегда находился хороший сказатель, иногда его специально приглашали.

Охота и охотничий промысел способствовали не только сохранению сказки в Сибири, но и созданию крупных повествовательных полотен. Имеется множество свидетельств и сказочников, и слушателей, что среди охотников, рыбаков ценилась сказка длинная, с запутанной фабулой, которая рассказывалась порой несколько вечеров подряд. Охотники спешили в зимовье вечером, чтобы не пропустить продолжения сказки. Отсюда характернейшая особенность местных сказок – многосюжетность, наличие вводных эпизодов, параллельного развития действия. Редкая сказка строится на одном сюжете: как правило, она вбирает в себя мотивы и образы из других сюжетов, которые по логике событий могут быть использованы в данном контексте.

Специфика бытования русской сказки в Сибири имела большое значение при формировании местного репертуара, способствуя широкому распространению волшебного-фантастических сюжетов. Особые условия жизни сказки на новом месте оказывали влияние и на ее форму, вызвав тенденцию к созданию многосюжетных произведений, к соблюдению сказочной обрядности. В Сибири создалась своеобразная сказительская школа, яркие представители которой бережно сохраняли сибирскую сказочную традицию.

Многие факторы оказали влияние на русскую сказочную традицию Сибири. С первых шагов своей жизни на новом месте русский поселенец оказывался в тесной взаимосвязи с различными народами, народностями и племенами, населявшими Сибирь. Эта взаимосвязь отразилась как на материальной культуре, так и на духовной, в том числе на фольклоре.

Своеобразие русского сибирского населения обусловлено прежде всего смешением пришлых русских с аборигенами. Такое смешение было неизбежным, потому что первые поселенцы – мужчины, оседая на местах, нередко брали в жены местных женщин. Впоследствии то же наблюдалось у казаков, присланных для охраны и освоения восточных земель. Крещение же местного населения сделало смешанные браки обычным явлением.

Сибирский колорит сказался не только во введении в сказку типичных для Сибири образов, но и в обрисовке традиционных сказочных персонажей благодаря внесению отдельных ярких черт и деталей в характеристику героев, усилению некоторых старых мотивов или их ослаблению, появлению новых функций действующих лиц. Герои приобретают местные черты.

Трудные климатические условия закалили сибиряка, относительная хозяйственная и административная свобода сделали его характер более независимым. Это не раз отмечалось путешественниками, бытописателями, этнографами прошлого. Черты характера, выработанные в силу создавшихся исторических и климатических условий, нашли отражение в фольклоре, в том числе в обрисовке образа героя. Он побеждает не только благодаря волшебству, но главным образом благодаря своим личным качествам: смелости, ловкости, смекалке. Сохраняя традиционный контур сказочного персонажа, сибирская сказка вносит в характеристику героя черты местного охотника. Так, в образе Ивана-царевича усилены интонации, говорящие о силе, смекалке героя. Трансформирован в большинстве случаев и образ иронического героя Ивана-дурака. В сибирских сказках, как правило, от него не ждут подвигов, потому что он молод, но ему с самого начала не отказано в уме. Сообразительность, которую он проявляет, совершая подвиги, предполагает не столько удачливость его, сколько присутствие ума.

В волшебных сказках нередко встречаются детали, характерные для охотничьего промысла. Здесь можно встретить описание различных зверей, их повадок, охотничьих снастей. Объясняется это, в частности, и тем, что сказочники в своем большинстве были охотниками.

Тайга в сибирских сказках чаще всего – конкретное место действия, а не граница, отделяющая иной мир. Описание конкретизировалось, приобрело реальные черты, отразившие локальный элемент.

Воздействие лесного быта проявилось, в частности, в том, что избушка в сибирских сказках утратила свой зооморфный вид, связанный с обрядом инициации. Традиционный быт сибирского крестьянства оказал влияние на первоначальный образ. В Сибири пашня, пастбище, сенокос находились, как правило, далеко за пределами деревни. На пастбищах строились для пастухов избушки (заимка), а в тайге – зимовья, где охотники могли жить зимой. Поэтому-то в сибирских сказках вместо избушки на курьих ножках встречается чаще всего лесная обыкновенная избушка.

Местный колорит передан и в особенностях речи, присущей сибирякам: в диалектных словах и выражениях, синтаксических оборотах, стилистических формах. Встречаются также элементы национального словаря, органически вошедшие в лексикон старожилов Сибири: это, в основном, слова, касающиеся быта, охотничьего промысла, скотоводства, земледелия.

Для уяснения сибирской сказочной традиции необходимо указать еще на одну важную особенность, присущую ей, – отражение в сказке местной былинной традиции.

Материалом, свидетельствующим о некогда богатой былинной традиции Сибири, могут служить сказки, и не только те, что представляют собой прозаический пересказ былин, но и те, в которых связь с содержанием былин ослаблена, но зато богато сохранена былинная поэтика.

Изучая сказочные тексты, записанные на этой территории Сибири, В. В. Красноженова убедилась, что к сибирской сказке применимо определение – общерусская, и все процессы, происходящие внутри нее, можно экстраполировать на сказочную прозу других субъектов России.

В «Сравнительном указателе сюжетов восточнославянской сказки» выделены следующие типы сказок: 1) сказки о животных, растениях, неживой природе и предметах; 2) волшебные сказки; 3) легендарные сказки; 4) новеллистические (бытовые) сказки; 5) сказки об одураченном черте; 6) анекдоты; 7) небылицы; 8) кумулятивные сказки; 9) докучные сказки. И все эти типы сказок присутствуют на территории Приенисейского края. Общерусские свойства в качестве базовой составляющей проявляются в сюжетах, мотивах, а местные – в избирательности сюжетов: например, на одной территории известны одни сказки, а на другой – другие.

М. В. Красноженова отмечала, что каждое фольклорное произведение вмещает не только наследие предков, но и личный вклад рассказчика, а также отпечаток местности. При подготовке текстов к печати она стремилась сохранять фонетические и лексические особенности сказки, неизменность ее композиции и стиля рассказывания; непременным атрибутом записи стала конкретная паспортизация: указание местности, а также персонификация рассказчика – зазвучали имена сказочников, прекрасных мастеров слова.

М. К. Красноженова при записывании сказок выявила еще одно отличие местных сказок – сибирская действительность расширила функцию сказки: сказка здесь не только была духовной пищей, но и давала пропитание сказочнику. Прекрасное знание сказок рассказчиками, их умение сориентироваться в многообразии сюжетов и отобрать нужный материал, удачные импровизации – все это способствовало созданию сложного по сюжетному составу произведения, которое при частом повторении закреплялось и становилось достоянием сибирской традиции.

А. В. Берестнев
2013 год

Сказки Е. И. Чичаевой

ОВЦЫ В МОРЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик, бедно жил, а было у его три сына — старший был умный, средний был не так, чтоб сильно умный, но и не дурак, а младший совсем дурачок. Нужда донимала их так, что терпенья больше нет, вот старший сын и говорит:

Отпусти меня, тятя, я пойду работы поискать. Ну отец, было, не пускал:

— Куда ты пойдешь?

— Да ведь чем так жить, лучше работать итти.

— Ну иди с богом.

Пошел старший, только доходит до реки, она не так чтоб глубока, а широка была; только сидит на берегу старуха и просит:

— Добрый молодец, перенеси меня на ту сторону.

— Ну тебя, стару чертовку, мне бы самому-то перейти.

Перебрел реку, пошел дальше. Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, увидал избушечку, а в избушечке старичок:

— Куды, добрый молодец, пошел?

— Работу искать, дедушка.

— Наймись ко мне, у меня работа легка — овец пасти; три дня пропасешь, узнаешь, чо овцы едят, — триста рублей, не узнаешь — триста плетей.

Тот думал: «Как это я не узнаю, чо овцы едят?»

— Узнаю, — говорит.

Ну, похлебали квасу, помолились спасу и легли спать. Утром встал и погнал овец. Подошли овцы к морю, баран черный прыгнул в море, и овцы за ним. Стоит парень и

смотрит, чо делать. Плакал, плакал, а как горю помочь — не знает. Вечером овцы из моря вышли, и погнал их домой и ничего хозяину не сказал. На другой день так же, а на третий опять погнал их домой, но сперва травы нарвал да за пазуху поклат. Пригонят он овец домой, старик и спрашивает:

— Ну, узнал, чо овцы едят?

— Узнал, — и показыват траву.

Привязал его старик к столбу и дал ему триста плетей. Едва до дому парень дошел.

Тожно второй стал проситься, отец не стал отпускать:

— Тот больной вернулся, да ты уйдешь.

Но он не послушался и пошел.

Шел близко ли, далеко, низко ли, высоко ли, доходит до реки, она не столь глубока, сколь широка. Сидит на берегу старуха и говорит:

— Добрый молодец, перенеси меня на ту сторону.

— Ну тебя, старая чертовка, мне самому-то только перебраться.

И пошел вброд.

Перешел, идет дальше и видит избушечку, а в избушечке старик сидит.

— Куды, добрый молодец, пошел?

— Иду, дедушка, работы искать.

— Наймись ко мне, у меня работа легка — три дня овец пасти; узнаешь, чо овцы едят, — триста рублей, а не узнаешь — триста плетей.

«Ну, — думат, — как я не узнаю, узнаю», — и взялся. (Кончилось так же, как со старшим братом.)

Приходит он через силу домой, отец увидал это и огорчился:

— Ну, вот тебе и заработал.

Но и этот не рассказал, чо с ним было. Тогда Иванушка-дурачок собрался итти.

— Куда тебе итти, видишь, вон братья твои много заработали.

— Ну я пойду все-таки.

И пошел. Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, идет, видит — речка не глубока, да широка. На берегу сидит старуха и просит:

— Добрый молодец, перенеси меня на ту сторону.

— А садись ко мне на заплечки.

Старуха села, он живо перетащил ее на тот берег, старуха и говорит ему:

— Ну, так вот, Ванюша, как тебе меня надо будет, так скажи только: «Где моя баушка?» Я тут и буду.

Пошел Ваня дальше. Идет, смотрит — стоит избушечка, в избушечке — старичок.

— Куды, молодой человек, пошел?

— Работу искать, дедушка.

— Наймись ко мне, у меня работа легка — овец пасти; узнаешь, чо овцы едят — триста рублей, не узнаешь — триста плетей.

— Ну, ладно, попробую.

А сам думат: «Вот, видно, где братья-то попали».

Похлебали квасу, помолились спасу и легли спать.

Утром встал, овец погнал. Только к морю подошли — баран в воду и овцы за ним. Стоит Иван и думат: «Вот тебе раз, как тут быть?» К вечеру вышли из моря овцы, и погнал их Иван домой. На второй день то же, Ваня не знает, чо ему делать, чуть не плачет: «Ведь это я триста плетей заработаю», да и надумал:

— Где это моя баушка?

— А я тут и есь, — стоит уже около него.

Вот он ей и рассказал, что овцы в море уходят, и он не может узнать, чо они едят. Она ему и говорит:

— А ты вот чо, Ванюша, сделай: как погонишь овец, иди за черным бараном; как он в море прыгнет, ты его за рога да садись на него. А там все смотри, чо давать будут — бери, вот и узнаешь, чем овцы питаются. Это ешшо не все: когда ты пригонишь овец и будешь старику отдавать, чем овцы питаются, то не бери у него ни золота — ничего, а проси у него сумочку-самотрясочку, кошелек-самотряс, шапку-невидимку и пимы скороходы.

Погнал на третий день овец к морю Ваня, не отходит от черного барана; только тот хочет в море прыгнуть, а Ваня хватя его за рога да и на спину, так с козлом и прыгнул в море. Баран очутился попом, а овцы людям, и стал служить молебен, после молебна раздавать просфоры стали, и Ване все по целой просфоре давали, он брал да за пазуху клал; потом все стали овцами, а поп бараном. Ваня схватился барану за рога и вышел из моря. Пригнал домой стадо овец, старик и спрашивает:

— Ну, чо, узнал чем овцы питаются?

— Узнал, — и стал из-за пазухи вынимать просфоры да отдавать старику.

У старика просфоры камнями стали. Вот он и дает Ване золото, а тот и говорит, что ему не надо золота, а надо сумочку-самотрясочку, кошелек-самотряс, шапку-невидимку и пимы-сороходы. Как ни крутился старик, а пришлось все это отдать.

Взял Ваня и пошел домой, а старуха тут как тут:

— Нет, тебе этто рано домой итти, а пойдём в город.

Пошли они со старухой в город, вот она и говорит:

— Вот, потряси свою сумочку-самотрясочку, натряси побольше денег и найми плотников корабель строить, найми гребцов-молодцов, вели поднять парус.

Сделали корабель, и поплыли старуха с Ваней. Дает ему старуха подзорную трубу:

— Смотри, — говорит, — у тебя глаза моложе. Он посмотрел и говорит:

— Чо-то там далеко чернеется.

— Вот и вели туда кораблю итти.

Повернул корабель и поплыл туда, подплыли к острову. Вот старуха и говорит:

— Ну, иди по этому острову и смотри, чо там есть интереснова.

Ходил, ходил Ваня по острову, ничего интереснова не нашел, только видел там птицы царские да перья государские, собирал яйца, о пни бил, потом каки-то развалины нашел, кирпич кругом лежит.

Вернулся на корабель, его баушка и спрашивает:

— Ну, чо ты там видел интереснова или поучительнова?

— Ничего, баушка, не видел, видел только птицы царски да перья государски; яйца собирал да о пни ломал.

— А больше ничего не видел?

— Видел еще каки-то развалины, кирпич кругом лежит.

— Нам то и надо; отправляй гребцов, чтоб они тот кирпич дочиста собрали и суда принесли.

Послал Ваня гребцов, собрали они весь кирпич и принесли на корабель.

Поехали в некоторое царство, в некоторое государство. Приехали туда, вот старуха и посылат Иванушку:

— Отнеси царю подарок, — набрала кирпичей и только не велела при открытых окнах показывать.

Приходит Ванюша к царю и просит об себе доложить. Приказал царь допустить его до себя:

— Чо скажешь, молодец?

— А вот, царское величество, принес я тебе гостинец, только нельзя его смотреть при открытых окнах, надо ставни скрыть.

Приказал царь ставни скрыть. Открыл Ваня свои узелочки, в платках точно солнце засияло — светло стало: каменя как жар горят, разными цветами переливаются. Царь обрадовался, поблагодарил дурачка и выдал ему разрешение по всему царству ходить и все смотреть. Идет Ваня по городу, смотрит, чо там есть полезнова, чо есть поучительнова. Только видит — стоит большущий-пребольшущий, высокий-превысокий столб, а на столбу большая доска, на которой написано:

«Кто мне сможет объяснить, где королева исплясывает двенадцать пар ботинок в одну ночь, за того я ее замуж отдам».

Приходит Ваня домой, баушка и спрашивает:

— Чо, был у короля?

— Был, он дал разрешение по всему городу ходить и все смотреть.

— Ну, чо ты видел там полезнова и поучительнова?

— Ничего не видел, только видел высокий-превысокий, большущий-пребольшущий

столб, на нём большая доска, а на ней написано: «Кто мне сможет объяснить, где королева в одну ночь исплясывает двенадцать пар ботинок, за того замуж ее отдам».

— Ну вот, видишь — поучительное и полезное; надевай шапку-невидимку и сапоги-скороходы и иди во дворец к королеве; что она будет делать, то и ты делай.

Все так и сделал. Приходит он к королеве, а она отдает приказ вычистить двенадцать пар ботинок; потом приказала чаю подать; сели пить чай, и Ваня рядом сидит и тоже пьет. Налют чашку, а она уже пуста; подтолкнет царевну, она прольет либо разобьет чашку.

— Что это со мной, — говорит царевна, — я все проливаю да ломаю.

После чаю побрызгала на себя из флакончика, хлопнулась об пол и полетела. Потом пошла к берегу. Ваня то же сделал — и за ней; она крикнула гребцов, подали лодку, она села в лодку, поплыла к острову, и Ваня с ней. Приплыли, вышла королева на берег, махнула платочком, и сразу дворец появился. Вошла она во дворец и начала отмыкать двери, одну за другой двенадцать дверей. Пришли в двенадцатую комнату; толкнула она сундук, выпустила оттуда зайца, ударила его по щеке, вместо зайца сделался музыкант, и начал он играть, а царевна плясать. Пляшет и пляшет без передышки. К утру все двенадцать пар истрепаны. Шлепнула королева по щеке музыканта, вместо него оказался заяц, она его в ящик замкнула, вышла, платочком махнула — дворца не стало, а яйцо осталось, взяла яйцо в платочек, пошла к берегу, села в лодку и поплыли. Дорогой она спрашивает гребцов:

— Как-то сегодня лодка тяжело идет?

— Да, мы с трудом гребем, точно тяжесть кака в ней.

Вышла на берег, хлопнулась об землю и полетела. И Ваня тоже полетел. На другой день то же, только, пока она плясала, Ваня взял платочек, замкнул комнаты, вышел, махнул платком, взял яйцо в платок — да в карман. Приходит домой, рассказывает баушке. Вот она ему и говорит:

— Иди, скажи царю, только пусть он всех иностранных гостей соберет, тогда ты ему объяснишь, где царевна исплясывает двенадцать пар ботинок в одну ночь.

Пошел Ваня к царю и сказал:

— Могу объяснить, где царевна исплясывает двенадцать пар ботинок в одну ночь, только пригласите всех иностранных гостей.

(Это для того, чтобы царь не отказался и отдал ему царевну.)

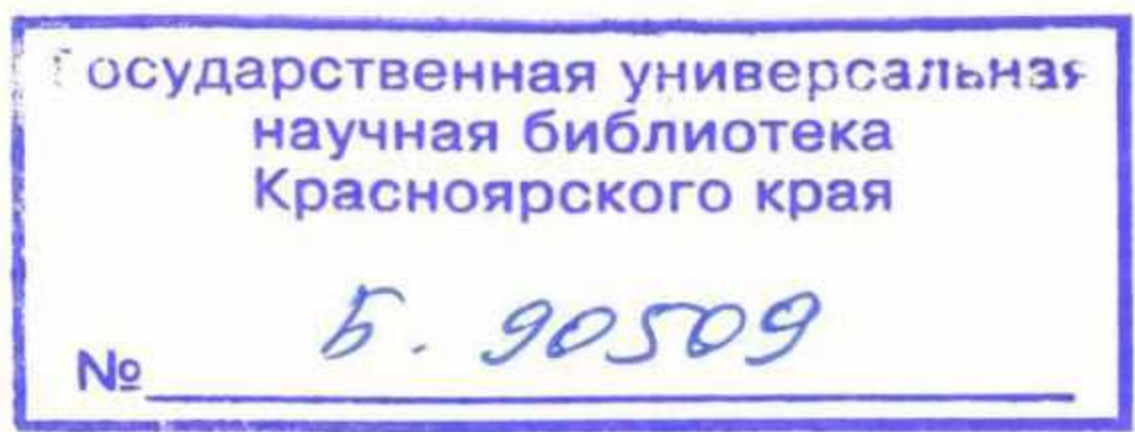
Вот когда все иностранные посетители собрались, тогда Ваня просил всех следовать за ним. Подошли они к берегу, крикнули гребцов, переправились на остров, тогда Ваня махнул платочком, сразу вырос дворец, пошли все они с ним во дворец, отомкнул он все одиннадцать дверей, подходит к двенадцатой, отмыкает, и все сразу увидели, что королева продолжала плясать. Все ботинки уже истрепаны, ноги в кровь изошли, а она все пляшет. Подошел тогда Ваня к музыканту, ударил его по щеке, он опять стал зайцем, посадил его в ящик и замкнул. Царевну увезли во дворец, а Ваня махнул платочком, и дворца не стало, а яйцо в карман положил. После того царю ничего не пришлось сделать, как выдать королеву за Ваню. Он объявил его своим наследником, и стали они жить да поживать, да добра наживать.

13

К
ББК 82.3 (2 Рос)
С 42
К-78

Сказки нашего края / Сборник М. В. Красноженовой. – Красноярск: Тренд, 2013. – 272 с.: илл.

М. В. Красноженова – известный красноярский этнограф и фольклорист – в течение многих лет (с 1909 года по 1932 год) записывала сказки и былины в Красноярском крае. Данный сборник является объединением трех сборников сказок, вышедших еще при жизни М. В. Красноженовой (в 1914 г. – «Семь сказок русского населения Енисейской губернии», в 1937 г. – «Сказки Красноярского края» и в 1940 г. – «Сказки нашего края»). Эти сказки стали результатом длительного и глубокого общения собирательницы с русским населением Приенисейского края.

Всего в сборнике 53 сказки, и это действительно полное собрание всех прижизненно изданных сказок, собранных М. В. Красноженовой (из 207 записанных ею). Эти сказки своеобразны и по своим историческим судьбам (из-за переселения в Сибирь русского народа из различных местностей), и по своему характеру. Сибирский колорит отчетливо выражен в сказках, рассказанных прекрасными народными сказителями.

Книга проиллюстрирована картинами русских художников XIX и начала XX веков. Во всех сказках сохранена авторская орфография и пунктуация, сделано это для более точной передачи духа того времени, особенностей говора и диалекта рассказчика.

Издание осуществляется при поддержке государственной грантовой программы Красноярского края

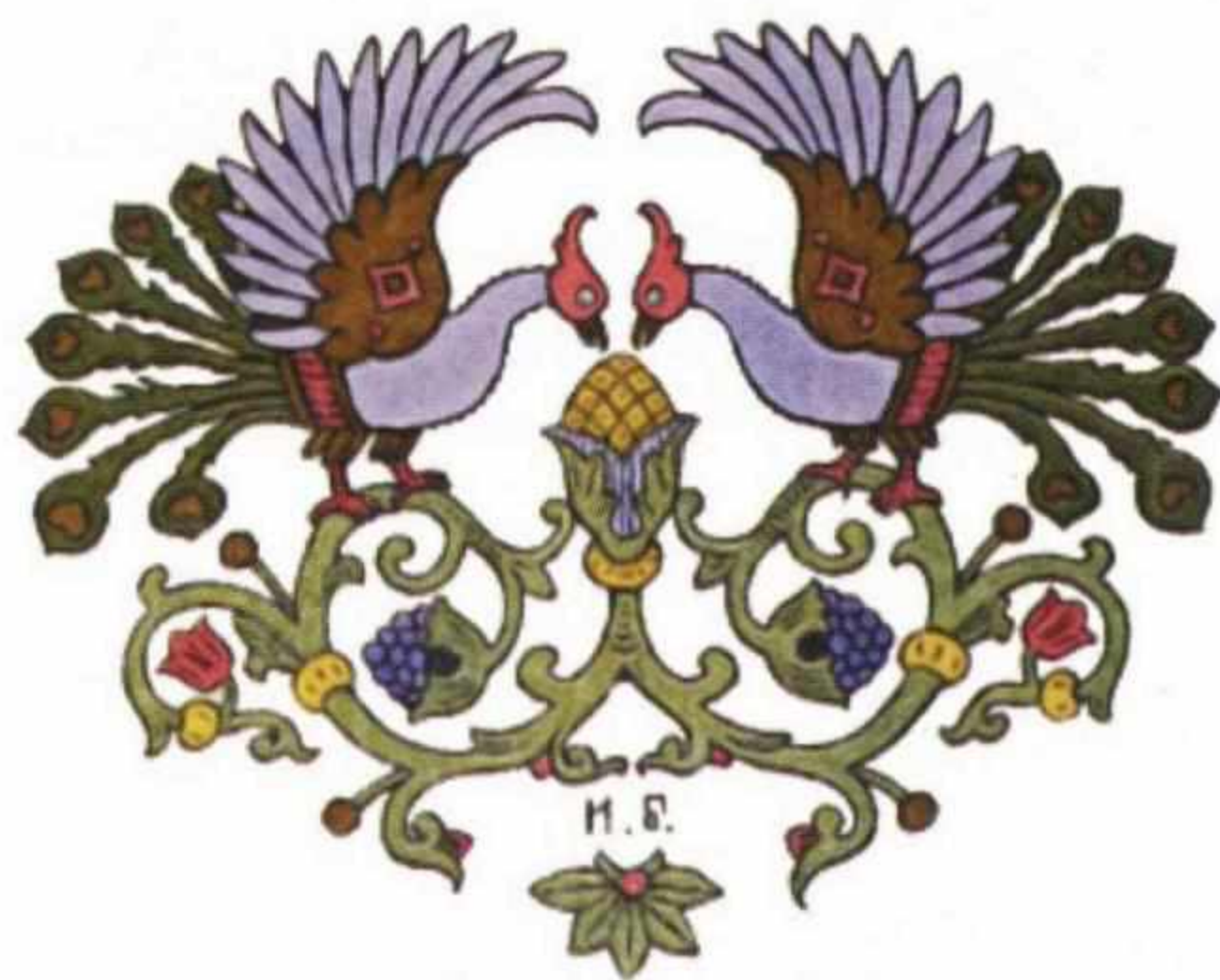

ББК 82.3 (2 Рос)
С 42

ISBN 978-5-91502-079-4 ✓

© М. В. Красноженова
© Издательство «Тренд»
© КРОО Поддержки гражданских инициатив «Развитие»

1-011
E104

СКАЗКИ НАШЕГО КРАЯ

Сборник М. В. Красноженовой

Красноярск: Тренд, 2013 г.

К 82
КК-78

СКАЗКИ НАШЕГО КРАЯ

Из сборников
М.В. Красноженовой